

MAGNUS FLYTE

MAGNUS FLYTE

CITY
OF DARK MAGIC

МАГНУС ФЛАЙТ

ГОРОД ТЕМНОЙ МАГИИ

МОСКВА
2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84 (7Coe)-44
Ф69

Magnus Flyte
CITY OF DARK MAGIC

Copyright © Christina Lynch and Meg Howrey, 2012

Перевод с английского *В. Иванова*

Иллюстрация на обложке *М. Петрова*

Флайт, Магнус.

Ф69 Город темной магии / Магнус Флайт ; [пер. с англ. В. Ю. Иванова]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 448 с. — (Новинки зарубежной мистики).

ISBN 978-5-699-83142-5

Издавна ходили слухи, что в Праге, городе императоров, алхимиков и астрономов, скрываются порталы в Преисподнюю. Сара Уестон, студентка-музыковед, приехала в этот старинный город, чтобы поработать над манускриптами Бетховена. Она и не подозревает, с какой опасностью ей придется столкнуться.

Наставник Сары, внезапно покончивший с собой, оставил свои заметки. Сара начинает подозревать, что это могло быть вовсе не самоубийство. Сумеет ли девушка справиться с темными силами, окружившими ее, и сохранить тайну, которая ей не принадлежит?

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-83142-5

© **Иванов В.**, перевод на русский язык, 2015
© **Издание на русском языке, оформление.**
ООО «Издательство «Э», 2015

ПРОЛОГ

Кампания по сбору пожертвований «Спасем Венецию!» началась, как обычно принято на подобных светских мероприятиях, с коктейлей «Беллини» и крошечных канапе с паштетом из кальмаров. Гости поглощали закуски под увертюры самых знаменитых итальянских опер, исполняемых искусными музыкантами, которые расположились как раз под фреской работы Тьеполо. Женщины в расшитых цехинами платьях и их спутники в смокингах выходили из обшитых тиком речных трамвайчиков *vaporetti* на частный причал возле дворца Ка'Реццонико. Устроители искренне надеялись на то, что крепкие напитки и мысли о погружающихся в песчаный грунт прекрасных палаццо опустошат кошельки приглашенных с легкостью, которой могут позавидовать детишки-карманники на пьяцца ди Сан-Марко.

Сглатывая набегающую слюну, организаторы акции приветствовали прославленного немецкого модельера, американского владельца инвестиционного фонда и чопорного британского драматурга. Для поддержания должного уровня показателя красоты были наняты фотомодели, поскольку миллиардеры на ближней дистанции не отличались привлекательностью.

Однако сразу же после полуночи произошла непредвиденная трагедия, которую впоследствии карабинеры назвали «cascata

dei согри» — «человеческим водопадом»¹. Все началось с того, что один из младших представителей саудовской королевской семьи, к смятению окружающих, внезапно разразился хриплыми воплями, проломил головой огромное панорамное окно и рухнул в темноту. А вскоре к нему присоединился американский промышленник-миллиардер: он бросился в воду вовсе не спасать араба, как сперва предположили очевидцы. Это были первые жертвы.

Глазам потрясенной молодой пары из Янгстауна, штат Огайо, проводившей в Венеции медовый месяц и плившей на гондоле по Гранд-каналу, предстало ужасное зрелище. Из окон сверкающего палаццо вываливались тела. Внутри царила паника. Как впоследствии вспоминали свидетели, лишь очень немногие из присутствующих в тот вечер во дворце отличились храбрым поведением. Когда все закончилось, на поверхности Гранд-канала плавало восемь трупов: семеро были облачены в шикарные наряды, а один бедолага — в стандартную одежду официанта.

Венецию охватила паника. Впрочем, в Италии это несколько не мешает большинству горожан по-прежнему околачиваться перед кафетериями, потягивая любимый эспрессо и сухое игристое просеко. Площадь Святого Марка была забита гуляками и туристами.

Но что привело людей к самоубийству? Или их несчастные души были уже мертвы к тому моменту, когда тела коснулись воды? Невзирая на гам, поднятый армией международных юристов, которые тотчас слетелись в Венецию, как хищные коршуны, и требовали отдать им усопших, венецианские судмедэксперты исполнительно препарировали и исследовали останки. Находчивые медики быстро разместили трупы в соседней церкви Христа Искупителя, поскольку тесный городской морг был переполнен. Да и прохладный мраморный интерьер храма

¹ А точнее, «водопадом тел» (ит.). (Здесь и далее прим. пер.)

казался более предпочтительным вариантом, чем ближайший фруктовый склад.

Поскольку все умершие, за исключением официанта, были иностранцами, и притом весьма богатыми, событие попало в заголовки мировой прессы. Венецию осаждали съемочные группы. Воды Гранд-канала перед дворцом Ка'Реццонико заполонила флотилия журналистских лодок. Водители местных речных такси набивали карманы пачками евро. Под конец прибыли толпы юных поклонников Хильды Свенсон, восемнадцатилетней шведской поп-звезды, чьи светлые волосы, по рассказам, обрамляли ее голову, покачивающуюся на волнах, будто нимб. Ее чихуахуа так и не нашли, но предполагалось, что собачка после падения уцелела, и на ее поиски была брошена полиция.

Специалисты по анализу мест преступлений и эксперты по борьбе с терроризмом прочесали здание и допросили поставщиков провизии. Это была не бомба, не ядовитый газ и не смертельный вирус. «От чего они умерли?» — вопрошал итальянского главу государства американский президент, потерявший крупного спонсора своей предвыборной кампании.

Ответ оказался не самым информативным, но он позволял *Il Primo Ministro*¹ «сохранить лицо», по крайней мере, до той поры, пока не удастся выжать из чертовых ученых что-нибудь подходящее.

«От страха», — отвечивал итальянский премьер.

¹ Премьер-министру (*ит.*).

ГЛАВА 1

Сара взяла конверт и приложила его к носу. Она обладала исключительным обонянием, и сейчас запах плотной почтовой бумаги вызывал у нее беспокойство.

— Я бы сказал, что это письмо, — заметил Бейли, деливший с Сарой крошечную контору на верхнем этаже Эксетер-холла.

Выпускникам-музыковедам всегда доставались худшие помещения. Комнатушка не отапливалась зимой, летом в ней царила удушающая жара, а еще здесь постоянно пахло мышами.

— Вижу...

Сара передвинула принадлежащую Бейли фигурку трубадура на пару сантиметров влево, зная, что это выведет его из себя. Им обоим нравилось выискивать хитроумные способы поддеть друг дружку. Бейли являлся специалистом по мадригалам, последняя работа Сары в бостонском институте Торо была посвящена недавно возникшей области музыкальной нейропсихологии. Почти целую неделю Сара рассуждала вслух о различиях в восприятии высоты звука в мозгу у музыкантов и не-музыкантов и о том, могут ли последние вообще осмыслить такое понятие, как высота звука. Бейли лишь скрипел зубами, хотя месть Сары была справедлива: он ведь тоже постоянно крутил на своем проигрывателе мадригал «Привет, о, вы, весенние бутоны!», который невероятно ее раздражал.

Сара разорвала увесистый коричневый бумажный пакет, и к ней на колени выскользнуло его содержимое — толстая пачка бумаги, аккуратно перевязанная коричневой бечевкой. Бейли подобрал пустой конверт, который она кинула на стол.

— Дворец Лобковичей, Прага, Чешская Республика...

— Я умею читать, Бейли, — отозвалась Сара, развязывая бечевку. — И потом, надо произносить «Лѳб-ко-виц».

Она была заинтригована. В начале восемнадцатого века князь Лобковиц оказывал значительное содействие Гайдну и Бетховену, а каждый из композиторов в знак благодарности посвятил покровителю некоторое количество сочинений. Саре и в голову не приходило, что семья Лобковицев существует до сих пор, если это были потомки тех же самых Лобковицев.

Сара пожалала плечами и уставилась на пачку бумаг. Та подозрительно напоминала... деньги! Невольно разинув рот, Сара присмотрелась к ней повнимательнее.

— Чешские кроны, — отметил Бейли, наклоняясь над ее плечом. — Кстати, пересылать деньги почтой незаконно.

Сара исследовала увесистую пачку. Изображенный на купюрах король с курчавой бородой пристально разглядывал что-то, находившееся как раз за левым обрезом.

— Сто крон... это сколько? — поинтересовалась Сара у Бейли.

Бейли быстро науглил ответ.

— Пять долларов и пятьдесят семь центов.

— А-а, — протянула Сара, у которой теплилась надежда, что цифра будет поприличней. — Однако их тут куча!

Она развернула сопроводительное письмо.

— Ну? — нетерпеливо спросил Бейли. — Что там? Они пытаются контрабандой вывести деньги из страны?

— Нет, — отозвалась Сара, дочитывая письмо. — Мне предлагают работу на лето.

Надо упомянуть, что Сара никогда не путешествовала по Старому Свету: как-то недосуг было. Правда, никто из ее се-

мы тоже ни разу не посещал Европу уже более ста лет. Предки Сары эмигрировали в Штаты еще в девятнадцатом столетии, спасаясь от великого голода.

Она оторвалась от письма.

— Деньги — на проезд от аэропорта до дворца. А за лето они предлагают мне двести тысяч крон.

— Около двенадцати тысяч долларов! — воскликнул Бейли.

Сара зажмурилась. Стипендии едва хватало на самое необходимое, и она влачила достойное, но нищенское существование докторанта. У нее никогда не бывало много денег, в семье она оказалась единственной, кто получил высшее образование, не говоря уже о докторантуре. Двенадцать тысяч... слова ласкали слух и звучали почти как миллион долларов.

Неужели она полетит в Европу? В Прагу!..

10

Жаль, конечно, что не в Вену, ведь в университете она учила немецкий, кроме того, именно в Вене долгие годы жил и работал герой Сары и предмет ее профессионального интереса — Людвиг ван Бетховен. Впрочем, возможно, ей удастся выбраться на денек-другой в столицу Австрии.

— И чего они от тебя хотят? — спросил Бейли. — Хотя ты же все равно согласишься...

Сара вернулась к письму.

— Если вкратце, дело в том, что семья Лобковицев решила открыть музей, — доложила она. — У них огромная коллекция: предметы искусства, музыкальные инструменты, оружие, керамика, книги и целая кипа рукописных нот — Моцарт, Гайдн, Бетховен, а также письма и другие бумаги, имеющие отношение к музыке. Им нужна помощь, чтобы все рассортировать и определить, что можно выставлять, а что нуждается в реставрации.

Сара наклонилась над столом и принялась печатать на компьютере.

— Ищешь Лобковицев? — обрадовался Бейли. — Я тебя опередил! Одна из старейших богемских фамилий, князя Свя-

щенной Римской империи, рыцари ордена Золотого Руна, баснословное состояние, политическое влияние... Седьмой князь Лобковиц, Йозеф Франц Максимилиан, был покровителем Гайдна и Бетховена, а композиторы посвятили ему...

— Про него я знаю, — вставила Сара.

— Но в тысяча девятьсот восемнадцатом наследственные титулы были отменены, — выпалил Бейли. — И теперь они больше не князья, хотя их, в принципе, можно так величать. Забавно...

— Максимилиан Лобковиц, — продолжила Сара, читая с экрана. — Тысяча восемьсот восемьдесят восьмой — тысяча девятьсот шестьдесят седьмой. Был патриотом и сторонником вновь созданного государства Чехословакия. В тридцать девятом году бежал от нацистов, которые присвоили себе богатство Лобковицев.

— ...Да, бедняги остались без гроша, — подхватил Бейли. — Однако в сорок пятом, после окончания войны, семейство вернулось. И они добились, чтобы им все возместили! А потом... гм, да.

— В сорок восьмом коммунисты снова все конфисковали, — заключила Сара. — Семья была вынуждена бежать во второй раз. Вероятно, они оставались не у дел вплоть до Бархатной революции восемьдесят девятого. С этого времени они принялись кропотливо собирать фамильное имущество, а теперь хотят открыть музей.

— Все ясно, — подытожил Бейли. — Но зачем им могла понадобиться ты?

Сара проигнорировала скрытое оскорбление коллеги. Она прекрасно понимала, что является талантливым ученым, пожалуй, даже выдающимся. Кроме того, она умела работать с архивами. Но она не являлась музыковедом мирового уровня — пока... Зато ее наставником был настоящий гений, поэтому Сара знала, что она еще не достигла нужной высоты.

Семинар по когнитивному музыковедению доктора Авесалома Щербатского отличался от всех остальных предметов, входивших в университетскую программу Сары. Во-первых, на него было сложнее всего попасть, а во-вторых, доктор Щербатский вообще отменял курс, если не видел среди аспирантов никого, кого бы счел достойным преемником своих знаний. Он отказался преподавать в Гарварде после того, как одна из тамошних групп его «попросту разочаровала». Поэтому, когда было объявлено, что доктор Щербатский собирается читать специальный курс лекций с интригующим названием «Бетховен: в одно ухо влетело, из другого вылетело», Сара не могла не записаться.

На первое занятие Щербатский явился с бумбоксом середины восьмидесятых, в который вставил кассету с бетховенской увертюрой к «Фиделио», опус семьдесят два.

12

— Надеюсь, вы это уже слышали? — с улыбкой спросил Щербатский, изображая полнейшую невинность. — Сейчас проверим, насколько вы сообразительны!

Он скрестил руки на груди, уткнул подбородок в воротник рубашки от Brooks Brothers, прикрыл глаза. Пара-тройка подобострастных студентов тотчас скопировали позу профессора. Сара наклонилась вперед, пытаясь понять, кто исполнитель. Кажется, Ханс Кнаппертсбуш и мюнхенский Баварский государственный оркестр.

Дождавшись окончания увертюры, Щербатский попросил любого из студентов записать на доске пассаж валторн из второй темы аллегро. Несколько рук с энтузиазмом взмыло в воздух.

— А вы согласны? — обратился Щербатский к студентам, когда дело было сделано. — Все правильно?

Вокруг закивали.

— Уверены? — произнес Щербатский.

Снова одобрительные кивки.

— Нет! — заявила Сара.

Щербатский метнул в нее взгляд.

— На доске записано то, что должно быть в партитуре, — пояснила Сара. — Но исполнение, которые мы только что слушали, немножко другое.

Сара подошла к доске и молниеносно внесла поправку во второй такт.

— Вторая валторна тут капельку сбивается. Запись, условно, живая, но не с концерта. Генеральная репетиция, скорее всего.

— Конечно, звук меняется от наличия аудитории, — вставил кто-то.

Щербатский повернулся к Саре.

— Верно, — отозвалась она. — И на репетиции музыканты часто надевают повседневную обувь. Судя по звуку, первая скрипка играла в ботинках. Может, в Мюнхене был дождливый день?

Ботинки, конечно, являлись плодом ее воображения. Сара не сомневалась, что Щербатский это понял. Однако то, что вторая валторна ошиблась в исполнении, оказалось чистой правдой.

Семинары включали в себя упражнения по «эмпатическому слушанию», когда они должны были играть что-либо из позднего Бетховена на пианино или скрипке, надев на голову огромные звукоизоляционные наушники. А еще Щербатский делал записи «имитированных шумов», которые представляли собой попытки угадать, что из собственных сочинений был способен слышать Бетховен в различные периоды своей жизни. Выяснилось, что у композитора бывали моменты — особенно в последние годы, — когда слух возвращался к нему, однако весьма кратко-срочно.

Сара была очарована и потрясена, а вскоре она стала звездой среди учеников Щербатского.

В качестве задания для выпускной работы Щербатский попросту сказал классу: «Удивите меня». Сара позвонила подруге, которая работала в Массачусетской клинической больнице:

девушка тайком провела Сару в лабораторию и сделала функциональную МРТ ее мозга в то время, пока Сара мысленно воспроизводила Девятую симфонию Бетховена. Когда она показала распечатку Щербатскому, профессор заплакал.

Зимой Сара попросила Щербатского стать научным руководителем ее диссертации — хотя было известно, что Щербатский терпеть не мог читать научные труды зеленых юнцов. Тем не менее профессор с готовностью согласился. Он воскликнул, что, по его мнению, Сара обладает исключительным сенсорным восприятием, а потом крепко притиснул ее голову к своей груди. Это смутило Сару и одновременно польстило ее самолюбию. А профессор деловито добавил, что начать они смогут лишь будущей осенью, поскольку он берет отпуск на весенний семестр и собирается уехать из страны. Куда именно он направляется, Щербатский не сказал, но в этом не было ничего необычного. Сара сомневалась, всегда ли он сам имеет точное представление, где будет находиться. Щербатский улетел из Штатов в январе, и с тех пор о нем никто ничего не слышал.

14

Но почему Лобковицы не предложили работу кому-нибудь вроде него — человека, пользующегося всемирной славой, специалиста, знающего о Бетховене такое, чего сам композитор о себе не знал? Или какому-нибудь общепризнанному эксперту из Королевского музыкального колледжа?..

Почему они выбрали ее?

В конце письма был указан адрес электронной почты. Если Сара согласится принять предложение, она должна прислать подтверждение Майлзу Вульфману, управляющему музейной коллекцией Лобковицев. Тогда и будут предприняты все необходимые меры по обеспечению ее приезда. И, разумеется, в таком случае Саре следует отправиться в путь незамедлительно.

Сара подумала, что лучше всего послать короткое письмо с согласием. Она, конечно, могла написать, что ради предстоящей работы ей придется скорректировать свое расписание и отложить важные дела. Но стоит ли блефовать? С другой стороны,

незачем сообщать Майлзу Вульфману о том, что ее отсутствие разочарует членов бостонского спортивного клуба, где она подрабатывала инструктором по езде на велосипеде.

Откуда вообще Лобковицам стало известно ее имя? Естественно, у нее имелись публикации, но исключительно в академических журналах. Может, ее порекомендовал Щербатский? Это было бы лестно, и Сара решила принять его как наиболее возможное объяснение.

Выбежав из конторы, она вскочила на велосипед и стремительно покатила домой, в квартиру на Портер-сквер, которую снимала в складчину с приятелем. Адреналин и возбуждение подстегивали ее, и она добралась на сорок пять секунд быстрее, побив собственный рекорд.

Сара знала, что ей надо позвонить матери и сообщить ей сногшибательную новость. Однако больше всего на свете она хотела бы рассказать об этом отцу. Тринадцать лет прошло с тех пор, как он умер, а ей до сих пор хотелось говорить с ним обо всем.

Сара ощущала странную смесь трепета и негодования, размышляя о том, как мамочка отреагирует на известие об отъезде единственной дочери в Европу. Ее мать, Джуди, выросла в бедной семье, а после смерти бабушки Сары была вынуждена и вовсе бросить школу, взяв на себя заботу о младших братьях и сестрах. Джуди зарабатывала на жизнь уборкой в чужих домах. Тогда-то Джуди и повстречала своего будущего мужа, молодого электрика, которого она впустила в роскошный особняк на Бикон-хилл, чтобы парень починил там хрустальные люстры.

Отец Сары был в восторге от школьных успехов Сары. Еще бы, ведь его дочка так любила читать и учиться! Мама тоже ему поддакивала («Мы тобой гордимся, девочка»), однако, когда Сара была еще совсем маленькой, она чувствовала, что с каждой прочитанной книгой отдаляется от матери. И нынешние новости вряд ли могли улучшить положение.